

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5464.

Воскресенье, 11-го ноября 1901 г.

№ 5464.

Заклятые враги.

Свѣтозара Чаровица *).

Бѣхали мы рѣмѣсть. У меня былъ только одинъ конь и, могу похвалиться, очень добрый, потому что я два раза наѣдалъ съ него, а падаю я только съ дѣбрыхъ коней. Шагалъ онъ гордо и довольно быстро, голову во-силъ высоко, во чортѣ его знаетъ отчего, по временамъ встѣхивался, и при этихъ то встѣхиваніяхъ я вылетѣлъ изъ сѣда. А мой спутникъ бѣхалъ на бѣломъ конѣ, съ отвесными ушами и куцымъ хвостомъ, а за нимъ тянулся цѣлый караванъ изъ четырехъ или пяти лошадей съ вьючными сѣдлами, но безъ вьюковъ.

Это былъ видный мужчина, правда, сухой, съ увядшимъ лицомъ, но большого роста и плечистый. Къ нему такъ шли и многочисленныя свѣтлые пуговицы на груди, блестѣвшія и отсѣчивающія на солнѣцѣ, такъ что на нихъ нельзя было глядѣть, и этотъ шелковый платокъ, повязанный во-кругъ головы, баҳромки котораго, свѣшиваясь черезъ плечи, падали на пуговицы. Я любовался имъ, глядя на него со стороны, и долго мы бѣхали, а я не проронилъ ни одного слова, боясь испортить себѣ удовольствіе, которое я получалъ, молчаливо созерцаю своего спутника.

Звали его Деко Мраовичъ.

О немъ я ужъ давно слышала удивительные разсказы. Хвалили его, какъ безпрѣмѣнного юнака (храбреца) и смотрителянаго хайдука (разбойника), некоторое время наводившаго страхъ почти на полъ Герцеговины. Тѣмъ пріятнѣе для меня было его спутничество, и потому-то я такъ внимательно вглядывалася въ него.

— Откуда это у тебя порожня ло-
шади? — спросилъ я, наконецъ, послѣ столь долгаго молчанія, желая теперь разговариться съ нимъ.

— Отвозилъ въ городъ поклажу.

— Что доставлялъ туда?

— Разное: хлѣбъ, картофель, капусту.

— А кому?

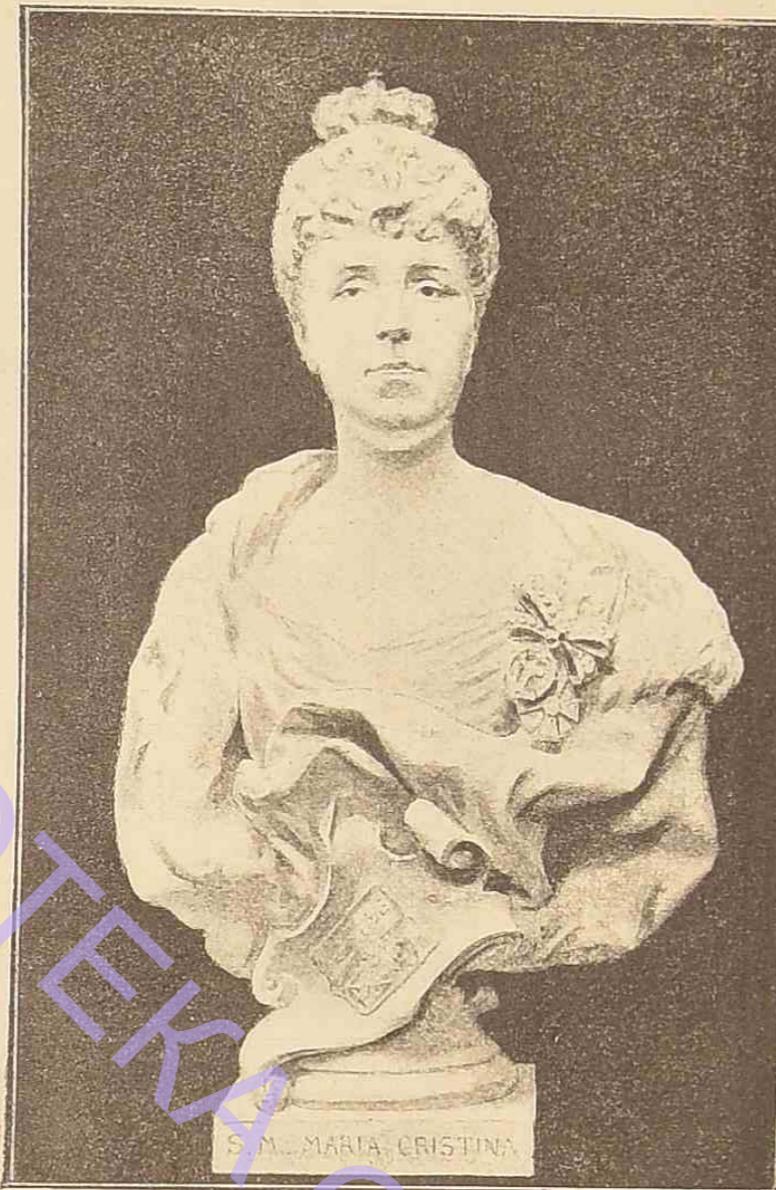
— Дѣтямъ покойнаго Али Мяугича. Я осталовился и съ изумлениемъ по-
глѣдѣлъ на него. Али Мяугичъ былъ однимъ изъ храбрѣшихъ и грознѣи-
шихъ турокъ, а главное — это былъ
лютый врагъ Мраовича.

— Развѣ ты ихъ арендаторъ, что возвиши имъ хлѣбъ?

Онъ завергъ головой.

— Должникъ я ихъ, и притомъ ужасный должникъ.

*) Переводъ съ сербскаго „Русск. Л.“.

Бюстъ испанской королевы-регентши, Маріи-Христинѣ.
Работы скульптора Паллеза.

И замолкъ. Опустилъ голову и изо всѣй силы удалилъ коня по шеѣ, хотя тотъ шелъ довольно быстро Конь рванулся и свою ногу въ сторону. Онъ ударилъ его снова, конь пошелъ теперь прямо.

Видя, что онъ лѣаетъ съ конемъ, я не хотѣлъ спрашивать его дальше. Опустивъ узду, я началъ вполголоса напѣвать какую то пѣсню, не помни-
типер, какую.

Ему это видимо понрави-
лось. Онъ повернулся своего коня поближе къ

— Не знаю больше.

Онъ съ неудовольствіемъ отвернулся, потянулся за узду и поѣхалъ по тропинкѣ въ сторону.

— Куда ты?

— Въ лѣсъ, отдохнемъ немнogo.

Я послѣдовалъ за нимъ. Свернули мы въ лѣсъ съ лошадей и пустили ихъ пасти, сами сѣли подъ вѣтвистый дубъ и вынули кисеты съ табакомъ.

Нѣсколько минутъ мы молчали, слушая, какъ хрустить на зубахъ у ко-

— А теперь уплатилъ уже долгъ?

— Нѣтъ... Нескоро это будетъ.

Затѣмъ онъ выпустилъ два-три клуба дыма и поглядѣлъ на меня.

— Тутъ цѣлая исторія... и хотя мнѣ это не очень пріятное я тебѣ разскажу ее.

„Турецкія злодѣянія заставили меня уйти въ хайдуки. Опротивѣла мнѣ жизнь безправной раби *), надоѣло всякому кланяться, и вотъ я взялъ ружье, да съ пятью шестью товарищами и ушелъ въ лѣсистыя горы. Тутъ мы подстерегали турокъ и нападали на нихъ. Каждый день бывали у насъ схватки, и всякий разъ мы что-нибудь добывали. Пришла очередь развѣваться и помѣряться и съ Мяугичами. На самы Петровъ день нападли мы на ихъ домъ и убили троихъ. Но Али остался живъ: скрылся гдѣ-то и хотя мы обыскали все жилище, не могли его найти. Мы награбили, что только могли унести, и воротились въ свой притонъ.

Но за это поплатились и мы. Собрали Али чету (дружину) побольше и получше нашей и началь наѣсъ преслѣдовали по пятамъ. Гнались за нами по лѣсамъ, по полямъ, пока не загнали въ такую трущобу, куда не заходя-
тъ и дикия козы. Тутъ мы укрѣпились и рѣшились защищаться до смерти. Али окружилъ насъ, укрѣпился самъ и не давалъ намъ и высунуться изъ нашей берлоги. Настало томленье и нужда. Не было уже у насъ ни хлѣба, ни воды а достать не откуда, и никто не рѣшился прокрасться на поиски, а голодъ мучилъ такъ, что ты готовъ былъ сѣсть свое тѣло. Мои товарищи стали мрачными, лица у нихъ покрѣпѣли, какъ земля; бродили они около меня, какъ тѣни, но ни одинъ не заропталъ, не застональ, не заплакалъ.

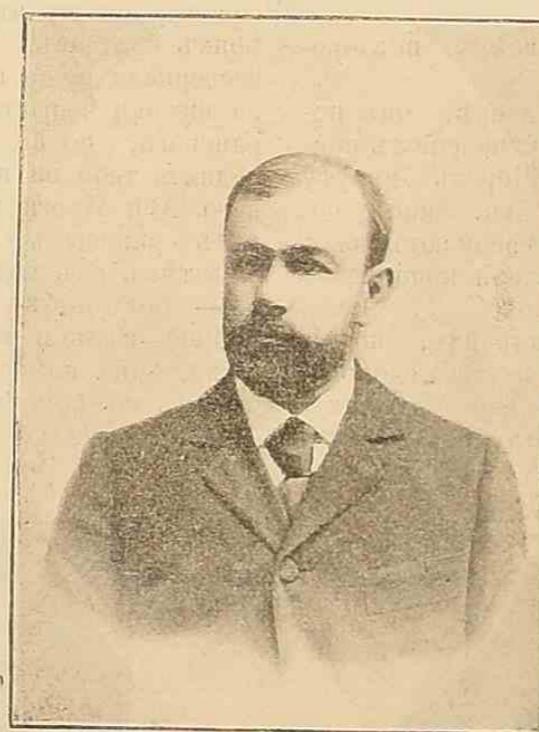
Вижу я: дольше нельзя.

— Попробуемъ, братцы, пробиться, — говорю я. — Лучше намъ вѣдь до единаго такъ погибнуть, чѣмъ издохнуть здѣсь съ голода. Намъ все равно умирать, такъ ужъ лучше умереть отомстивши, чѣмъ отправиться на тотъ свѣтъ съ жаждой турецкой крови.

Всѣ понимали, что пѣтъ другого исхода, и согласились на это.

Я первый выскочилъ съ ятаганомъ въ рукахъ, а за мною всѣ. Турки встрѣтили насъ огнемъ. Видѣлъ я, какъ пали двое изъ товарищей; но, думаю, пѣтъ другого выбора, и бро-
саюсь на турокъ. Бросились и осталь-
ные, добрались мы до нихъ. Кровь залила мнѣ глаза, я никого не вижу, а только машу ятаганомъ и бѣгу впе-

*) Райи — подданые туркамъ христіане.

Баронъ М. А. Рено,
новый предсѣдатель одесской уѣздной земской управы

моему, и стала внимательно прислу-
шиваться.

— Пой громче.

Я усилилъ голосъ. Онъ свинулъ головную повязку на затылокъ и пач-
чалъ сопровождать пѣсню покачива-
ваемъ головы.

Наконецъ, я пересталъ.

— Валяй еще!

ней травы, да гдѣ-то вдали долбитъ дерево дятелъ.

Шадѣло мнѣ молчаніе.

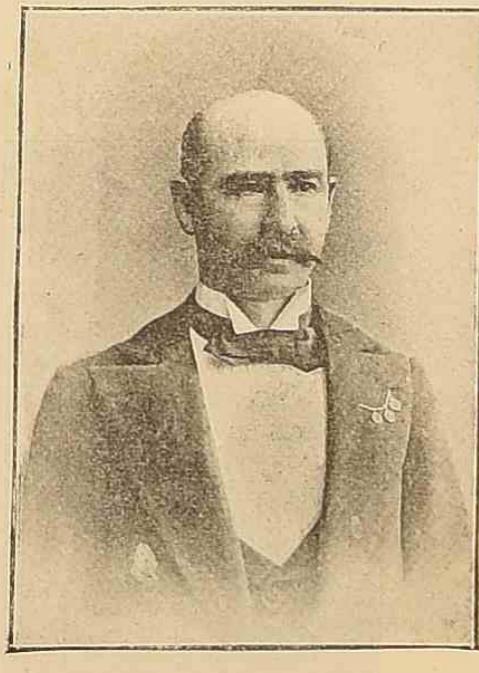
— Когда-же это ты задолжалъ Мя-
угичу? — спросилъ я, чтобы только нача-
вать разговоръ.

Деко свинулъ брови и махнулъ рукой.

— Давно.

Д-ръ С. С. Рабкиновичъ,
(по поводу 25-тилѣтней дѣятельности).

Д-ръ И. И. Марголинъ,
(по поводу 25-тилѣтней дѣятельности).

рель. Вдруг я чувствую, что меня ударили сзади по голове, и я теряю сознание.

Очнулся я уже в доме Мулича... Лежу я на троцкиковой рогоже, и надо мню стоять Али и еще несколько турок, смотреть и крутят головами. Когда я открыл глаза, Али наклонился и взял меня за руку.

— Как ты себя чувствуешь? спрашивала меня.

Я хотела было привстать, но меня будто вновь кто удалил, и я опять повалилась.

Проболтала такъ цѣльный мѣсяцъ Али было постоянно при мнѣ и заботился о моемъ выздоровлении больше, чѣмъ родной отецъ: самъ своими руками перевязывалъ мѣрку, смазывалъ какою-то мазью, самъ давалъ мнѣ воды, упрашивалъ меня есть, часто кормилъ меня, какъ малаго ребенка; иногда клала мою голову къ себѣ на колѣни и почти съ лою совалъ мнѣ въ ротъ мясо или яйца.

Наконецъ, началь я покралась. Почекувшись, что уже могу держаться на ногахъ, я встала и, опираясь о стѣну, началь ходить по комнатѣ. Али часто бралъ меня подъ руки и сводилъ во дворъ, гдѣ я отдохнула подъ его вытистую шелковницу.

Съ каждымъ днемъ становилось мнѣ лучше, и я видѣла, какъ все прояснялось лицо у Али, какъ онъ улыбался, глядя на мене.

— Какъ тебѣ кажется, можешь ли ты теперь пригнуть? спрашивала меня однажды.

— Не могу, — говорю, еще слабъ.

Онъ погладилъ себѣ усы, усмѣхнулся:

— Скоро, скоро будешь въ состояніи.

Черезъ нѣсколько дней онъ повторилъ свой вопросъ.

— Попробуй, — говорю.

Онъ отошелъ въ сторону, я разбралась и прыгнула. Прыжокъ былъ такъ великий, что Али захочоталъ отъ

1) Этуль на солнце И. Е. Рыбина. 2) В. В. Стасовъ (портретъ) И. Е. Рыбина. 3) Портретъ дочери художника Н. Д. Кузнецова. 4) На нашемъ съверѣ Д. Э. Мартена. 5) Мать съ ребёнкомъ А. А. Харламова. 6) Въ кафе П. А. Нилюса. 7) Рыбакъ (Финляндія) В. Е. Маковскаго. 8) Веселый анекдотъ В. Е. Маковскаго. 9) Неудачники В. Н. Бакшеева.

XXIX передвижная выставка въ Одессѣ.

радости.

— Значитъ, ты совсѣмъ выздоровѣлъ, — сказала онъ.

Оставилъ меня на дворѣ, онъ пошелъ въ домъ. И съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Черезъ минуту приносилъ онъ два рузыка. Лицо у него поблѣдѣло, глаза сверкаютъ какъ то лико, будто у головы кошки.

Онъ сталъ предо мной.

— Вотъ я тебѣ выѣхѣть, поставила на ноги. Теперь ты здоровъ, какъ прежде, и можешь заплатить мнѣ долгъ... А долженъ ты мнѣ три

головы, потому что ты убилъ трехъ моихъ братьевъ... Тутъ глаза у него засверкали пуще преж资料, и задрожала нижняя челюсть. Могъ бы убить раненаго, но не хотѣлъ. Яоже хотелъ поднять тебя на ноги и убить здороваго. Али Муличъ никогда не убивалъ раненыхъ, не хотѣлъ и тебѣ.

Затѣмъ онъ подалъ мнѣ ружье.

— Вотъ тебѣ ружье! Крѣпко и доброе, какъ и мое, и хорошо заряжено, какъ и мое. Пойдемъ въ лѣсъ и тамъ помѣряемся съ тобою.

Я не нашѣла, что ему сказать.

Опустивъ голову, пошелъ я впередъ, а онъ за мнѣ. Такъ принесли мы въ лѣсъ.

Станъ противъ мене, а я противъ тебѣ, и будемъ стрѣлять одновременно, сейчасъ же.

— У меня тогда что то блеснуло въ головѣ. Я бросилъ ружье и отошелъ въ сторону.

— Могъ поднять на тебѣ руку? да разѣзъ я могу стрѣлять въ тебѣ? Ни за что на свѣтѣ!

Онъ презирательно улыбнулся

— Ты долженъ, я заставлю тебѣ! Я не могу отложить болѣ, не хочу и стрѣлять въ тебя безоружного! Возьми ружье! Я вѣдь не шучу съ тобою. Я медлилъ.

— Возьми ружье! — крикнулъ онъ. — Иначе я назову тебѣ злѣмъ!

Я наклонился, поднялъ ружье.

— Повернись сюда!

— Направь на мене ружье!

Онъ приблизился въ меня, приблизилъ ся и.

— Пафы... выстрѣль! онъ, и выстрѣль эхомъ отдался въ лѣсъ.

Я не помнилъ, спускальни я курокъ или не спускальни, только гляжу — онъ зашатался и упалъ... Я вскрикнула, поспѣть къ нему.

Онъ былъ уже мертвъ.

Съ тѣхъ поръ я каждый годъ доставляю двѣмъ нѣсколько высокихъ хлѣба, картофеля, капусты, привоку и барановъ для ихъ пропитанія.

Дѣко кончилъ разсказъ и опустилъ голову. Видимо онъ удержалъ слезы и онъ самъ, помимо его воли, скатывались по его лицу. Я посмотрѣла на него участливо и ухватилась за кисетъ съ табакомъ.

— Дѣко кончилъ разсказъ и опустилъ голову. Видимо онъ удержалъ слезы и онъ самъ, помимо его воли, скатывались по его лицу. Я посмотрѣла на него участливо и ухватилась за кисетъ съ табакомъ.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

хлѣба, картофеля,

капусты, привоку

и барановъ для ихъ

пропитанія.

Съ тѣхъ поръ я

доставляю двѣмъ

нѣсколько

высокихъ

жу, что не буду больше твоей, не люблю тебя.

Трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу. Онъ словно хотѣлъ воспринять въ порывѣ отчаянія. И она увидѣла, какъ губы его побѣлѣли, и весь онъ окаменѣлъ. Такъ онъ и остался на пьедесталѣ колѣнопреклоненнымъ съ простертymi къ ней руками.

Scilla bitoliata.

Разсказъ Андре Терье *).

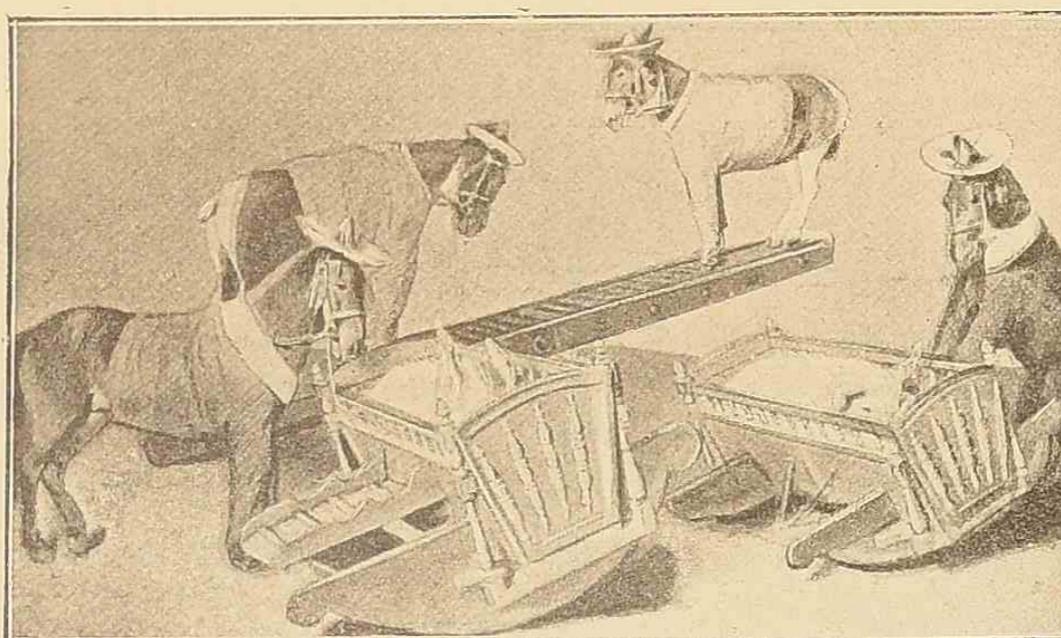
— Теперь Scilla bitoliata начинаетъ цвѣсти,—сказалъ мнѣ господинъ Менелье.—Для моего гербарія мнѣ необходимо пѣсколько экземпляровъ этого растенія, чтобы замѣнить тѣ, которые уже совсѣмъ выцвѣли. Ты бы сходилъ,—профессоръ говорилъ мнѣ „ты“, чѣмъ я очень гордился,—и разыскалъ бы мнѣ съ полдюжины этихъ цвѣтковъ.

— Весьма охотно, дорогой учитель, — отвѣталъ я, — но въ нашихъ мѣстахъ это растеніе мнѣ никогда еще не попадалось. Я не знаю даже, где искать его.

— Я тебя научу. Ты дойдешь до Месонжа лѣсной дорогой, потомъ пройдя лѣсную опушку, возмѣши вправо по тропинкѣ и не сдѣлаешь сотни шаговъ, какъ паткнешься въ чащѣ на эту цвѣткову; не забудь только захватить землю поглубже, чтобы вырывать растеніе вмѣстѣ съ корнемъ и луковицей.

На другое утро, позавтракавъ, я отправился на поиски. Было пасмурно, но я весело шагалъ по дорогѣ. Съ неба, покрытаго облаками, падалъ пріятный матовый свѣтъ. У опушки лѣса пахло фіалками. Надъ паромъ взвивались и звенѣли жаворонки. Пройдя лѣсную дорогу, я взялъ вправо тропинкой и въ томъ именно мѣстѣ, какъ сказали мнѣ почтенный ботаникъ, нашелъ желанную Scilla bitoliata. Тонкій стебелектъ ея выдѣлялся между двухъ узкихъ зеленыхъ листковъ и поднималъ вверхъ небольшой букетикъ темно-синихъ цвѣтковъ, маленькихъ, въ видѣ звѣздочекъ съ пучкомъ черныхъ, тонкихъ, какъ паутина тычинокъ посрединѣ. Scilla bitoliata оказалась до крайности милымъ очаровательнымъ растеніемъ.

Въ то время,—я говорю о днѣахъ моей юности,—я былъ влюбленъ въ ботанику. Эта увлекательная наука служила мнѣ предлогомъ для далѣкихъ экскурсій по полямъ и лѣсамъ. Говоря откровенно, я былъ хорошоимъ коллекціонеромъ-гербізаторомъ, по серьезному ученымъ меня нельзя было назвать. Я охотнѣй любовался, нежели занимался классификацией и анализомъ цвѣтковъ. Я любилъ цвѣты ради нихъ самихъ, любилъ ихъ свѣжесть, красоту, ароматъ; любилъ ихъ за тѣ поэтическія впечатлѣнія, которыя доставляли мнѣ поиски за ними. Бѣгать по полямъ во время пасхальныхъ вакаций, смотрѣть, какъ расцвѣтаетъ дикий гіацинтъ, сидѣть среди красной листвы виноградниковъ; любоваться, какъ пышно развертываетъ лиловый свой вѣнчикъ дикий анемонъ въ молодой зелени ожившаго поля—все это доставляло мнѣ пи съ чѣмъ не сравнимое наслажденіе. Легкій вѣтерокъ пробѣгалъ по зеленои опушкѣ лѣса. Бѣлые облака тихо плыли въ глубокой синевѣ неба, въ обнаженныхъ еще лѣсахъ зяблики и дрозды пробовали свой голосъ въ отрывистыхъ, короткихъ, но живыхъ, мелодичныхъ пѣсняхъ, и эти звуки раздавались въ безлистенной рощѣ, какъ голоса въ пустомъ, лишенномъ убранства и мебели домѣ. И я, возбужденный весеннимъ воздухомъ, какъ будто пилъ съ его ароматными струями весенне соки земли и рвалъ свѣжераскрывшіеся

„Счастливая семья“. Дрессированные ослы въ берлинскою циркѣ.

цвѣты и во весь голосъ декламировалъ лучшіе стихи изъ Виргилія. И теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я при наступлении Пасхи переношуясь мысленно въ то отдаленное время. Я вижу яркіе весенне дни, которые перемежаются съ весенними веселыми грозами; пробужденія отъ зимней спячки

деревья наливаютъ пахучія, смолистыя почки, новая травка изъ разогрѣтой солнцемъ почвы вытягиваетъ свой молодой стебелекъ. Весеннее прозябанье, пробужденіе земли неизмѣнно вызываютъ во мнѣ воспоминаніе о моей собственной веснѣ съ первыми готовыми распуститься цвѣтами, когда сердце охваченное новыемъ, непонятнымъ желаніемъ и волнѣніемъ, сильночувствовало свое сродство и связь съ пробуждающейся природой. И этотъ переходъ отъ юности къ молодости въ жизни человѣка—то же, что недѣля Пасхи въ жизни природы. Переходъ этотъ—мятежный, полный волненій и грозъ, непогоды и солнечного сиянья, какъ это бываетъ въ апрѣль.

Въ моихъ ботаническихъ экспедиціяхъ господинъ Менелье былъ моимъ руководителемъ и советникомъ. Мы съ нимъ встрѣтились въ одно прекрасное утро въ лѣсной чащѣ, которую тщательно изслѣдовали, неся черезъ плечо наши зеленые ящики для растеній. Встрѣча съ землякомъ, влюбленнымъ въ цвѣты, привела старого профессора въ восторгъ. Я ему полюбился, и онъ пригласилъ меня къ себѣ ознакомиться съ его гербаріемъ. Мы стали друзьями, а я до некоторой степени его ученикомъ.

Господинъ Менелье пользовался репутацией ученаго, а его гербарій считался лучшимъ во всемъ департаментѣ. Этотъ Менелье, высокий, сухой, плѣшивый и съ сильной сѣдиною въ бородѣ, со строгимъ и флегматичнымъ выражениемъ лица, съ глазами, всегда скрытыми подъ синими очками, съ медленно-внушительной рѣчью, казался мнѣ старикомъ, хотя ему не было и пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ очень начитанъ и въ совершенствѣ зналъ французскихъ и латинскихъ классиковъ и любилъ ихъ цитировать, но я долженъ сознаться, что при этомъ онъ предпочиталъ наиболѣе блѣкія и даже циничные цитаты. Меня удивляло, что занятіе ботаникой не сдѣлало его болѣе кроткимъ и снисходительнымъ. Иронія и пессимизмъ были его отличительной чертой, и онъ ненавидѣлъ человѣчество вообще, а женщины въ частности. Между тѣмъ онъ былъ женатъ, и въ то время, когда я съ нимъ познакомился, мадамъ Менелье была очаровательной, полнѣнкою особой, лѣтъ тридцати очень известной въ обществѣ моего роднаго городка. Она была кокетлива, легкомыслена и любила удовольствія. Супруги видѣлись только за столомъ. Остальное время г. Менелье проводилъ, запершись въ свою ученомъ кабинетъ, стѣны котораго были увѣшаны картинаами его гербарія. Въ этомъ кабинетѣ онъ спалъ. Служанка не смѣла переступать порога его комнаты—онъ самъ ее убиралъ и стягивалъ себѣ постель. „Женщины способны только вносить и разводить блохъ и сплетни“,—говорилъ онъ обыкновенно. Онъ выходилъ изъ своей комнаты только на ботаническія экспедиціи, да и тѣ по слабости зрѣнія и вслѣдствіе того, что ноги отказывались ему служить для болѣе отдаленныхъ прогулокъ, становились все рѣже и рѣже. Со времени нашего знакомства добывая новые экземпляры для гербарія онъ началъ поручать мнѣ. Онъ зналъ кантоны, какъ своихъ пять пальцевъ, зналъ, въ какомъ именно мѣстѣ растетъ тотъ или другой рѣдкій цвѣтокъ, и благодаря его точнымъ указаніямъ, я никогда не возвращался назадъ съ пустыми руками. Теперь, найдя очаровавшую меня Scilla bitoliata, я со всевозможными предосторожностями вырылъ съ десятокъ этихъ растеній и въ восторгѣ отъ своей добчи поспѣшилъ отправиться къ дому г. Менелье; я боялся, что меня дорогой застигнетъ гроза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* Переводъ „Вол.“